

Глава 16

В день визита Лу Лю в родительский дом многие жители Чэньцзявань высыпали на улицу, чтобы поглазеть на его подарки.

Его свадьба была пышной, выкуп — большим, а семья Чэнь так шикавала, что и подарки для визита должны были быть не хуже.

Ли Фэн вёз Лу Лю на повозке, к которой была привязана большая корзина, будоражившая воображение.

— Наверное, много мяса привезли? — спросил кто-то у Лу Лю.

— Пять цзиней, — ответил тот.

Пять цзиней няньгао.

— Ого! — ахнула толпа. — А сахару привезли?

— Пять цзиней, — продолжил Лу Лю.

Всё те же пять цзиней няньгао.

Пять цзиней мяса, пять цзиней сахара — это был поистине щедрый подарок.

Они не могли придумать, что ещё можно было привезти, и спросили Лу Лю, что ещё в корзине.

— Пять цзиней няньгао, — ответил Лу Лю.

На этот раз это была правда.

Ли Фэн, слушавший это, едва сдерживал улыбку. Уголки его губ так и рвались вверх, а в глазах плясали смешинки.

Его маленький супруг был настоящим мастером — врал не моргнув глазом, и все ему верили.

Ли Фэн был высоким, с густыми бровями, большими глазами и смуглой кожей — вид у него был суровый. С ним заговаривали редко, и то — вежливо.

Видя, как он улыбается, люди поняли, что у него с супругом всё хорошо, и кто-то спросил:

— Ты такой щедрый, твой тесть, наверное, на седьмом небе от счастья?

— Он это заслужил, — ответил Ли Фэн.

Ответ был странным, и у многих возникли сомнения, но вслух никто ничего не сказал.

На их глазах повозка въехала во двор дома Чэней. Некоторые последовали за ними, желая увидеть, как будут выгружать такие богатые дары.

Такого щедрого визита не было ни на одной свадьбе.

Лу Лю, видя толпу, занервничал. Он посмотрел на Ли Фэна, который оставался невозмутимым, и, ища защиты, схватил его за руку, вызвав смешки.

В этом смехе не было злобы, скорее, добродушное подшучивание. Такое же, как в день его свадьбы.

Он покраснел. Увидев вышедших навстречу Старину Чэня и Лу Сань-фэн, он впился взглядом в куртку отца, чуть не забыв поздороваться.

Старина Чэнь был хитёр. Он понимал, что семья Ли не станет терпеть убытки, и ни за что не позволил выгружать подарки во дворе.

Ли Фэн не стал спорить и повёл Лу Лю в дом.

Старине Чэню пришлось позвать сыновей, чтобы занести корзину.

Чэнь Лао-да был послушнее и вышел сразу.

Чэнь Лао-яо же ленился и упирался.

Когда он наконец вышел, Старина Чэнь уже тащил корзину вместе с Чэнь Лао-дой.

Всего пять цзиней няньгао, зачем тут двое?

Но зеваки наговорили с три короба: пять цзиней мяса, пять цзиней сахара, пять цзиней няньгао, да ещё наверняка что-то есть — целая корзина.

Отец и сын Чэнь с самого начала напряглись и, резко подняв корзину, чуть не сорвали спины.

Другие этого не заметили, кто-то даже хотел помочь. Старина Чэнь, проглотив обиду, сказал:

— Старею, старею, даже такую малость поднять тяжело.

На людях он играл роль заботливого отца.

Раз уж Лу Лю приехал в гости, других принимать не будут, хотя поговорить с сыном по душам.

Зеваки неохотно разошлись, некоторые остались болтать у ворот.

Старина Чэнь был крайне недоволен и твёрдо решил поскорее вернуться в уезд.

В главном зале Лу Сань-фэн уже открыла корзину.

Её радостное лицо мгновенно застыло. В душе бушевали эмоции, и в итоге она выдавила из себя язвительную улыбку:

— Этот подарок, должно быть, наш Ян-гээр готовил. Такой хороший и... дешёвый.

Акцент был на слове «дешёвый», это была насмешка. Но Лу Лю, в своём понимании, считал умение купить что-то хорошее и дешёвое признаком хозяйственности.

Думая о брате, он согласился:

— Он и правда очень хозяйственный.

— ? — Лу Сань-фэн не поняла. — Ты думаешь, я тебя хвалю?!

Старина Чэнь бросил на Лу Сань-фэн предостерегающий взгляд и пригласил Ли Фэна в комнату.

— Проходи, у нас там кан натоплен, тепло.

Их семья привыкла к комфорту в уезде и, вернувшись в деревню, не могла терпеть холод, поэтому кан топили с ранней осени.

Лу Сань-фэн же ухватила Лу Лю за руку, сказав, что у неё есть к нему личный разговор.

У Лу Лю не было с ней никаких личных разговоров. Он боялся, что его будут ругать, и не хотел расставаться с Ли Фэном, бросая на него тоскливые взгляды.

Лу Сань-фэн не могла на это смотреть и просто утащила его.

Деревенские дома были небольшими. Чтобы поговорить с Лу Лю подальше от Ли Фэна и заодно заставить его готовить, она привела его на кухню.

Продукты были заготовлены: овощи с огорода — капуста, редька, — ничем не отличающиеся от тех, что были в деревне Ли.

Ещё был свежий тофу, лепёшки из соевой гущи и два цзиня мяса.

Лу Сань-фэн велела Лу Лю готовить, перечислив несколько блюд, и достала муку, чтобы он приготовил баоцзы.

— Твой отец давно не ел баоцзы, всё вспоминает.

— Да Фэн должен возвращаться, чтобы готовить няньгао, — запротестовал Лу Лю, не желая готовить. — Мы ненадолго.

— Совсем от рук отбился! — накинулась на него Лу Сань-фэн. — Всего несколько дней после свадьбы, а уже родителей не признаёшь! Просишь что-то сделать, а ты уже уходить собрался!

Поругавшись, она велела Лу Лю позвать Ли Фэна:

— Пусть идёт дрова колоть.

Никто не останется без дела, всё было продумано.

Лу Лю невольно дотронулся до своего лица. Ему бы такую наглость, как можно такое говорить?

— Мы только что приехали... — начал он.

— Хватит притворяться, — толкнула его Лу Сань-фэн, принимаясь за капусту. — Обманывай своего парня, а меня не проведёшь. Я смотрю, ты его неплохо приручил. Скажи ему, пусть поколет дрова, проявит себя в доме тестя, это покажет, что он тебя ценит. Иди.

Лу Лю не мог с ней спорить, но мысли его были просты.

— А что, они сами не могут? Не хотят навоз таскать, так и дрова колоть не хотят?

Речь шла о двух братьях Чэнь. Старшего ещё можно было заставить что-то делать, но младший был ленив, и они, соревнуясь в безделье, в итоге ничего не делали.

Это было так, но Лу Сань-фэн не позволила Лу Лю говорить плохо о её сыновьях.

— Что ты понимаешь в мужских делах? — сверкнула она глазами. — Сказала, иди — значит, иди.

Лу Лю не сдвинулся с места.

— Ну посмотри ты на своих братьев, разве они похожи на тех, кто будет работать? — смягчилась Лу Сань-фэн.

Лу Лю тем более не пошёл.

«А что, его Да Фэн похож на того, кто будет работать?»

Но характер у него был мягкий. Он считал, что так жить в деревне нельзя. Если не хотят колоть дрова, придётся покупать.

— Тогда покупайте дрова, — сказал он Лу Сань-фэн. — Зима длинная.

— Ты что, с ума сошёл, меня жизни учить? — разозлилась та и несколько раз ткнула его пальцем в лоб.

Лу Лю закрыл голову руками и больше не хотел с ней разговаривать.

Раньше, когда его обижали, он убегал. В доме Чэней бежать было некуда, и он хотел поскорее вернуться в деревню Ли.

— Сколько у вас ещё тофу? — прямо спросил он.

— Сегодня сделали две доски, утром немного продали, осталось чуть больше одной, — машинально ответила Лу Сань-фэн.

Лу Лю потребовал одну доску.

Лу Сань-фэн думала, он хочет купить, но оказалось, что он хочет забрать даром.

— Ах ты, неблагодарный! Локоть наружу вывернул! — взорвалась она. — Ты не знаешь, как мы живём? Вернулся, даже обед приготовить не хочешь! Сказала тебе, отец хочет твоих баоцзы, а ты к муке притронуться не желаешь! И сразу требуешь целую доску тофу! Ты что, считаешь дом Ли своим домом? Когда они тебя выгонят, не прибегай к нам плакаться!

Лу Лю испугался её. Что за вспыльчивый характер, двух слов не скажешь, как она уже кричит. Он, привыкший к ругани, лишь тихо пробормотал:

— Ты ведь тоже к своим родителям не едешь...

Он слышал, как его отцы вспоминали о тёте, но ни разу не видел, чтобы она приезжала в Луцзятунь.

Раньше он думал, что это отец тоскует по сестре, а теперь понял, что они тосковали по ребёнку, которого отдали ей.

Лу Лю не знал, что простая, бесхитростная правда ранит сильнее всего.

Он снова довёл Лу Сань-фэн до белого каления.

В другой комнате Старина Чэнь усадил Ли Фэна на кан, а рядом посадил двух своих сыновей.

В доме Старина Чэнь был авторитетом, и в важных делах дети его слушались.

Приём Ли Фэна был делом важным.

Это касалось их будущего кошелька.

Старина Чэнь знал, что приданое было слишком скудным, и семья Ли наверняка недовольна.

Раз они не пришли скандалить в первые дни, значит, дорожат репутацией.

А раз так, то можно договориться.

К тому же, он видел, что Лю-гээр и Ли Фэн неплохо ладят, так что всё можно было обсудить.

Старина Чэнь был человеком опытным и знал, что в первые дни после свадьбы мужа особенно нежны к своим супругам. А раз так, то почему бы не помочь семье супруга? Никаких проблем.

Он налил Ли Фэну вина. На столе уже стояли закуски: тарелка арахиса и жареная рыбка.

Видя, что Ли Фэн взял палочки, Старина Чэнь начал разговор.

— Я знаю, ты сердишься, но у меня не было выбора. Наша мастерская разорилась, а жить как-то надо. Если бы я не боялся, что Лю-гээр будет обижен, разве я стал бы так шиковать?

И всё это, оказывается, ради Лу Яна.

— Ради него? — усмехнулся Ли Фэн. — А тёплую куртку дать не догадались?

— Не может быть! — Старина Чэнь был готов ко всему. Он перешёл от удивления к гневу. — Я ему новую одежду сшил! Спроси у кого хочешь, всё новое, с иголки, даже две зимние куртки!

Ли Фэн молчал, наблюдая за его игрой.

— Наверное, его мать в суматохе забыла, я сейчас спрошу, — добавил старик.

Ли Фэн не любил застольных бесед, предпочитая говорить прямо. От витиеватых речей у него начинала болеть голова.

— И что ты собираешься делать? — спросил он.

— Найду и отдам ему, — растерялся Старина Чэнь.

Он хотел снова завести разговор о своей мастерской, убедить Ли Фэна вложить ещё денег, нарисовать ему радужные перспективы: когда он снова встанет на ноги, и у Ян-гээр будет опора, они смогут переехать в уезд, и у них будет поддержка со стороны родни.

Но Ли Фэн одним прямым вопросом сбил его с толку.

— Искать не нужно, та, что на тебе, очень даже хорошая.

Старина Чэнь посмотрел на себя.

Его куртка и правда была хорошей, с новой ватой. Когда в семье покупали вату, сначала шили куртку ему. Его старую, в зависимости от состояния, отдавали сыновьям.

Обычно Лу Сань-фэн и Лу Ян новых курток не получали, им перешивали старые. Но в уезде они старались выглядеть прилично, поэтому одежда не успевала изнашиваться, и её продавали, добавляя немного денег на новую. И новая, конечно же, доставалась Старине Чэню.

В его куртке было целых три цзиня ваты, она была тяжёлой, как одеяло. В комнате в ней становилось жарко.

— Ха-ха, — засмеялся он. — Мою одежду Лю-гээр носить не сможет.

— Почему это? — Ли Фэн не стал с ним пререкаться.

Он отложил палочки, встал и, схватив Старину Чэня за воротник, принялся стаскивать с него куртку.

Это было похоже на нападение, и Старина Чэнь в ужасе закричал.

Два его сына тоже испугались. Они знали, что Ли Фэн вспыльчив, но не думали, что он настолько дик, чтобы в такой радостный день поднимать руку на тестя. Как же он собирается жить с Лу Лю?

Они бросились к нему, пытаясь оттащить.

Ли Фэн был на голову выше их и намного крепче. Он напряг ноги и стоял как вкопанный, не обращая внимания на их попытки.

Его руки были заняты, а братья Чэнь, вцепившись в него, лишь беспомощно двигались вместе с ним, не в силах его сдвинуть.

Старина Чэнь был в панике.

Один удар такого кулака — и он отправится к праотцам!

— Лю-гээр! Лю-гээр! Скорее сюда! Твой муж убьёт твоего отца!

На кухне Лу Лю всё ещё спорил с Лу Сань-фэн из-за тофу.

Он твёрдо стоял на своём:

— Вы его так обманули, и ещё надеетесь, что он будет вам помогать? Сначала нужно проявить хоть немного искренности!

Лу Сань-фэн не соглашалась. Целая доска — это шестьдесят четыре куска, семья Ли столько не съест, с какой стати им отдавать?

Тут они услышали крики Старины Чэня и в ужасе бросились в комнату.

Когда они прибежали, крики уже стихли.

Куртка Старины Чэня была в руках Ли Фэна. Он выпрямился, стряхнул с неё пыль, разгладил складки и, взвесив на руке, остался доволен.

Увидев Лу Лю, он притянул его к себе и примерил на него куртку.

— Подойдёт, сможешь носить.

Он вёл себя совершенно беззастенчиво. Семья Чэнь из четырёх человек смотрела на него как на разбойника, а он, как ни в чём не бывало, велел Лу Лю примерить куртку.

Тёплая куртка тут же согрела его.

Лу Лю был так счастлив, что даже не заметил жалкого вида Старины Чэня.

Шесть человек в маленькой комнате. Казалось бы, семья Чэнь могла бы их запереть и избить, или хотя бы, заблокировав дверь, измотать Ли Фэна.

Но на деле они были как цыплята. Тех, кто пытался преградить путь, Ли Фэн либо отталкивал, либо швырял на кан.

Он не удовлетворился одной курткой, залез на кан, открыл сундук и достал ещё две.

Одна из них была новой, той самой, что не отдали Лу Лю перед свадьбой.

Семья Чэнь остолбенела. Стоило кому-то открыть рот, чтобы выругаться, как Ли Фэн бросал на него ледяной взгляд, полный такой угрозы, что казалось, он готов убить. Перепуганные Чэни, дрожа, сбились в кучу и обняли друг друга.

— Лю-гээр, — обратился Старина Чэнь к Лу Лю. — За такие дела тебя ждёт возмездие!

Лу Лю не понял, за что его ждёт возмездие. Три куртки, конечно, стоили денег, но не настолько же?

Вата была дорогой, один цзинь — два цянтя серебра. В этих трёх куртках было около шести цзиней, то есть, вата стоила один лян и два цянтя.

Ткань была хлопковой. Лу Лю недавно шил себе новую одежду и знал цены. Хлопок стоил от тридцати двух до шестидесяти вэней за чи, в зависимости от цвета.

Все три куртки были из синей ткани, по тридцать два вэня за чи. Размеры были разные, но в среднем ткани ушло не больше чем на шесть цяней.

Плюс работа, ещё два-три цяня. В общей сложности — около двух лянов серебра.

Выкуп, который дала семья Ли, был двадцать лянов. Даже если вычсть расходы на лечение и показное богатство, это было лишь справедливое возмещение, уравнивающее вложения обеих семей. Никакого возмездия быть не должно.

Подсчитав всё в уме, Лу Лю не ответил, а спросил:

— Отец, я могу взять немного тофу домой?

— Он хочет целую доску! — тут же вставила Лу Сань-фэн.

Старина Чэнь посмотрел на Лу Лю.

Лу Лю посмотрел на Старину Чэня.

Старина Чэнь пытался запугать его взглядом.

Лу Лю спрятался за спину Ли Фэна.

Старина Чэнь был человеком гибким. Раз уж семья Ли решила выместить злость таким образом, пусть так и будет. В следующий раз Ли Фэн всё равно будет называть его тестем и относиться как к отцу.

— Бери, — сказал он. — В этом отец виноват. Не сердитесь на меня, у меня не было выбора.

Ли Фэн на это не купился.

Лу Лю, видя, как жалко выглядит старик без куртки, на мгновение почувствовал жалость. Но тут Ли Фэн заметил на его лбу красное пятно.

Он дотронулся до него, и Лу Лю вздрогнул от боли.

Жалость тут же улетучилась.

Он не стал говорить правду, это было проявлением доброты.

Глупо хихикнув, он сказал, что случайно ударился.

— Пойдём за тофу?

Они приехали с пятью цзинями няньгао, а уехали с целой доской тофу и тремя зимними куртками.

На обратном пути Лу Лю ехал в куртке Старини Чэня.

Трехциневая куртка — он в жизни не носил такой тяжелой одежды, она давила на плечи. Но как же в ней было тепло! Холодный ветер дул в лицо, а щеки всё равно оставались горячими, и даже руки, которые держал Ли Фэн, вспотели от жара.

Этой зимой он не замёрзнет!

Ли Фэн время от времени поглядывал на него. Видя, что после такого скандала Лу Лю сияет от счастья, он тоже улыбнулся.

— Вернёмся — отдам тебе крольчиху, будешь растить её.

— Угу! — решительно кивнул Лу Лю.

Как же хорошо, когда есть на кого положиться.

<http://bllate.org/book/16991/1584471>